

М. Ф. Польшов

М. С. Горбачев и объединение Германии

Объединение Германии, несомненно, является одним из крупнейших событий мировой истории XX столетия. Однако отношение к этому событию до сих пор не устоялось ни в нашей стране, ни в самой Германии. В этой связи наиболее дискуссионным является вопрос о том, насколько политика Горбачева в период объединения Германии отвечала интересам СССР, и можно ли было ему действовать по-другому в контексте той исторической реальности.

Перестройка в СССР оказала огромное воздействие на внутриполитические процессы во всех восточноевропейских странах. Она сильно способствовала политизации населения и ГДР, повышению его общественно-политической активности. Возрастало критическое отношение к правящей Социалистической единой партии Германии (далее — СЕПГ), к ее руководству, особенно Эриху Хонеккеру, занимавшему пост Генерального секретаря ЦК СЕПГ с 1971 г., к общественному устройству ГДР. В этих условиях требовались осторожные реформы, направленные на совершенствование социализма в ГДР. Однако большая часть руководства во главе с Хонеккером не предполагала приступать к осуществлению реформ, ошибочно считая, что их страна в них не нуждается. Между тем, социально-экономический и политический кризис обострялся, что привело к падению 18 октября 1989 г. не только Хонеккера, но и 9 ноября этого же года — Берлинской стены. Это означало фактическое открытие границы между двумя Германиями. С этого момента на повестку дня встал вопрос уже о существовании ГДР как суверенного государства.

После смещения Хонеккера СЕПГ возглавил Эгон Кренц, а правительство вместо В. Штофа — Ханс Модров, пользовавшийся авторитетом в партии и у населения ГДР. На заседании Народной палаты премьер-министр Модров изложил программу преобразований. Во внешнеполитической области он выдвинул идею создания договорного сообщества между двумя германскими государствами. Однако советское руководство отрицательно восприняло инициативу Х. Модрова о создании договорного сообщества, поскольку на том

Польшов Матвей Федорович,
доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
[*mfistoria@mail.ru*](mailto:mfistoria@mail.ru)

этапе оно рассматривало ГДР исключительно как суверенное государство. Сотрудник советского посольства в ГДР И. Ф. Максимычев отмечает, что «в Москве были крайне недовольны допущенной Модровым «вольностью» в отношении договорного сообщества, и ему явно было дано понять, что дальше идти не следует»¹.

Более того, 25 ноября 1989 г. М. С. Горбачев направил закрытое послание главам западных держав (США, Англии и Франции) и ФРГ, в котором он подчеркивал: «Развитие ГДР породило толки относительно “германского вопроса”, перспектив объединения Германии... ГДР как суверенное государство, как член Варшавского Договора была и остается нашим стратегическим союзником в Европе...»² В этом послании была выражена советская официальная позиция о том, что никакой речи об объединении ГДР с ФРГ не идет.

Однако наряду с этим были попытки установить тайные контакты с ФРГ и начать проводить другую политику. Речь идет о «миссии» сотрудника международного отдела ЦК КПСС Н. С. Португалова и его встрече с советником федерального канцлера Гельмута Коля по внешнеполитическим вопросам Хорстом Тельчиком 21 ноября 1989 г. Через него Португалов передал записку федеральному канцлеру, содержание которой подвергало ревизии советскую официальную позицию. Тельчиков в своей книге «329 дней...» сообщает о том, что об этом послании, по информации Португалова, знали В. М. Фалин и А. С. Черняев³. «Не легко дать однозначную оценку этому демаршу “германистов”, — пишет историк А. М. Филитов, — с формальной точки зрения, имел место акт “личной дипломатии” довольно импровизированного, если не сказать легкомысленного толка, содержание которого находилось в явном противоречии с официальной линией государственной политики. Вместе с тем по сути дела речь шла о самой адекватной и своевременной реакции на создавшуюся в Германии ситуацию; с определенным основанием можно сказать, что если бы идеи “документа” Португалова-Фалина были высказаны в то время гласно от имени советского правительства, то это обеспечило бы СССР инициативу в обсуждении германского вопроса и неизмеримо усилило бы его позиции при таком обсуждении»⁴.

Из инициативы Португалова-Фалина в ФРГ сделали далеко идущие выводы. Федеральный канцлер, безусловно, уловил неустойчивость советской позиции, — отмечает И. Н. Кузьмин. Он сумел завладеть инициативой, выступив 28 ноября в бундестаге с правительственной программой, получившей название «10 пунктов» Г. Коля⁵, в которых был изложен план поэтапного создания конфедеративно подобного государства с сохранением обеих Германий⁶.

«10 пунктов» Г. Коля означали для мировой общественности, и в первую очередь — для собственной страны и ГДР сигнал о том, что ФРГ готовы возглавить и направлять процесс объединения Германии. Хотя этот сигнал прозвучал пока еще в осторожной форме, но всеми странами он был услышан немедленно. По мнению немецкого историка Александра фон Плато, план Г. Коля вызвал негативную реакцию как внутри Германии, так и за рубежом⁷.

Действиями Г. Коля были недовольны не только в Москве, но и в Париже, Лондоне, Риме, Праге, Варшаве, Будапеште и других столицах. На брифинге, устроенном МИД СССР, уже на следующий день после выступления Г. Коля, было заявлено о несвоевременности этого плана⁸.

В официальной беседе с главой правительства Италии Дж. Андреотти 30 ноября М. С. Горбачев заявил: «Воссоединение ФРГ и ГДР не актуальный вопрос»⁹. Андреотти также определил свою позицию вполне определенно: «Я не раз говорил, в том числе недавно в парламенте, что это одна нация, но два государства. Это наша твердая, даже очень твердая позиция»¹⁰.

Большое внимание «германскому вопросу» уделялось на мальтийской встрече лидеров СССР и США — М. С. Горбачева и Дж. Буша, состоявшейся 2–3 декабря 1989 г. Американский президент, подтвердив существование двух германских государств как исторический факт, заметил, тем не менее, что «от нас нельзя требовать, чтобы мы не одобряли германского воссоединения»¹¹. Буш обозначил принципиальную позицию США по этому важнейшему вопросу и последовательно ее придерживался вплоть до присоединения ГДР к Западной Германии. Одновременно, чтобы не запугать Горбачева, он умиротворяюще отметил: «В то же время мы отдаем себе отчет в том, насколько это деликатная, чувствительная проблема. Стараемся вести себя с определенной сдержанностью. Сформулирую эту мысль несколько по-другому: ни я, ни представители моей администрации не хотим оказаться в позиции, которая выглядела бы как провокационная»¹².

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в тот период Горбачев постоянно говорит о существовании двух суверенных государств — ФРГ и ГДР. Однако на Мальте, 2 декабря, он рассуждает с американским президентом о том, останется ли объединенная Германия в НАТО, и впервые предлагает идею «нейтрализации единой Германии», хотя и отмечает, что «и то и другое было бы преждевременно обсуждать»¹³. Даже если эти слова были сказаны экспромтом, они не могли быть не замечены его собеседником.

По мнению маршала С. Ф. Ахромеева, одной из главных задач переговоров на Мальте для Дж. Буша было выявление отношения СССР к объединению двух германских государств, вставшему на повестку дня. Горбачев же не был готов к серьезному обсуждению этого вопроса, поскольку не имел конкретного долгосрочного плана. В результате американцы сделали вывод, что решительной оппозиции предстоящему воссоединению Германии со стороны Советского Союза не будет¹⁴.

Президент США, убедившись в том, что Советский Союз в связи с развитием событий в Германии будет занимать сдержанную позицию, уже вечером 3 декабря, после мальтийской встречи с Горбачевым, встретился в Брюсселе с главами государств и правительств 16 государств НАТО в Брюсселе и убеждал их в необходимости поддержки «10 пунктов» Г. Коля.

На этой же встрече он имел обстоятельный разговор с Г. Кодем, в ходе которого проинформировал его о переговорах на Мальте. Буш конфиденциально сообщил канцлеру, что он почувствовал неуверенность позиции Горбачева, и поставил Коля в известность: Горбачев се-

товал на то, что немцы взяли слишком быстрый темп, и канцлер слишком торопится, что он возразил Горбачеву, отметив — в программе не содержится конкретных сроков объединения, нет графика, а есть только общий подход. Буш подчеркнул, что ничего нереалистичного не произойдет, и «темп перемен» определяется гражданами, живущими в ГДР¹⁵.

С некоторой горечью и досадой о причинах позиции Горбачева на мальтийской встрече пишет предпоследний глава правительства ГДР Х. Модров: «Еще в ходе подготовки к встрече на Мальте, — отмечает он, — Буш консультировался с Колем — ведь речь там должна была идти и о германском вопросе. Горбачев же, напротив, не стал подключать к консультациям ГДР, будто бы мы присутствовали в играх Советского Союза как мировой державы лишь как плановая единица, обреченная на молчание и послушание»¹⁶.

После Мальты Горбачев пытался демонстрировать по германскому вопросу жесткую позицию. 5 декабря в Москву прибыл министр иностранных дел ФРГ Г. Д. Геншер, которому Горбачев, как отмечает А. С. Черняев, «устроивает буквально скандал за “10 пунктов”... И главный упрек — посягательство на суверенитет ГДР, вмешательство в ее внутренние дела, фактически курс на конфедерацию»¹⁷. Возмущенный Горбачев говорил: «Следует прямо заявить, что эти ультимативные требования выдвинуты в отношении самостоятельного и суверенного немецкого государства, причем, хотя речь идет о ГДР, но сказанное канцлером касается всех нас... Заявление канцлера — политический промах. Мы не можем оставить его без внимания... Если вы хотите сотрудничать с нами, мы готовы. Если же нет — будем делать политические выводы. Прошу отнестись к сказанному со всей серьезностью»¹⁸. Геншер пытался успокоить Горбачева: «Происходящее в ГДР является внутренним делом этой страны, выбором ее народа. Мы этот выбор будем уважать, ничего не собираемся навязывать»¹⁹.

Твердый, жесткий стиль, продемонстрированный Горбачевым на переговорах с Геншером, не означал переход СССР к другой политике по германскому вопросу. Советское руководство оказалось не готовым противопоставить «10 пунктам» Г. Коля собственные конкретные предложения для практической реализации. Горбачев вновь выступил противником конфедерации двух германских государств, продемонстрировав свою неспособность к реалистической оценке обстановки. Все, что он делал на том этапе, было направлено только на то, чтобы затормозить процесс объединения двух Германий.

Уместно отметить, что за день до встречи Геншера и Горбачева, 4 декабря в Лейпциге прошла многотысячная демонстрация (100–150 тыс. человек), на которой преобладающими были лозунги воссоединения Германии: «10 пунктов» Г. Коля, «Вайцзеккер — президент всех немцев!»²⁰

Среди союзников ФРГ наиболее холодно к перспективе объединения Германии отнеслись Франция и Великобритания. Президент Франции Ф. Миттеран был вынужден совершить срочный однодневный визит в Киев 6 декабря 1989 г. для переговоров с М. С. Горбачевым, главной темой которых был германский вопрос. Французский президент говорил о том, что «в Европе никто не хочет, чтобы на континенте произошли глубокие пертурбации в результате объедине-

ния Германии, которое неизвестно, что принесет... Речь Коля, его "10 пунктов", все перевернули с ног на голову. Он перемешал все факторы, он спешит»²¹.

Миттеран пытался выяснить конкретные действия М. С. Горбачева по германскому вопросу. На его вопрос: «Что конкретно Вы собираетесь делать?» получил ответ общего содержания: «Прежде всего, продолжить линию общих перемен. Пусть каждая страна определяет сама их направленность. Мы убеждены, что нельзя допускать внешнего вмешательства, исказить волю народов... Я полностью разделяю Ваше мнение о том, что германский вопрос должен рассматриваться в контексте общеевропейского процесса, найти в нем свое решение. Это будет гарантировать Европу от всяких катаклизмов, от нестабильности. Именно так можно найти более правильное решение и самого германского вопроса. Искусственное подталкивание процесса воссоединения должно быть исключено»²².

К перспективам быстрого воссоединения Германии весьма настороженно относилась и премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. Даже после объединения Германии Тэтчер в своих мемуарах написала следующее: «Объединенная Германия не только сильно подорвала бы позиции Горбачева в стране, но и отрицательно повлияла бы как на западноевропейское сообщество, так и на сам североатлантический союз... Объединенная Германия слишком велика и могущественна, чтобы быть просто игроком на европейском поле... По природе своей Германия представляет собой на континенте силу не стабилизирующую, а дестабилизирующую»²³.

«Французы и англичане, — как пишет итальянский историк Джузеппе Боффа, — безуспешно пытались скоординировать свои позиции с советским руководством по вопросу об объединении Германии»²⁴.

В последующие дни М. С. Горбачев продолжал демонстрировать жесткую и принципиальную позицию, отстаивая тезис о том, что существование двух германских государств необходимо для стабильности европейского континента. В докладе на Пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1989 г. он заявил: «Мы со всей решительностью подчеркиваем, что ГДР в обиду не дадим, это — наш стратегический союзник и член Варшавского договора. Необходимо исходить из сложившихся после войны реальностей — существования двух суверенных германских государств, членов ООН. Отход от этого грозит дестабилизацией в Европе»²⁵.

Российские исследователи делают вывод о том, что до конца 1989 г. советское руководство не имело четко разработанного плана действий по германской проблеме²⁶. В. И. Дашичев приходит к выводу, что когда германский вопрос был поставлен в плоскость его практического решения, то «ни Горбачев, ни правящая политическая элита, ни советское общество не были готовы к такому повороту дел ни психологически, ни концептуально»²⁷.

Тот факт, что продуманного плана действий, соответствующего реалиям, у советского руководства в германском вопросе не было, указывает и Н. И. Рыжков, будучи в то время главой советского правительства. «Не было стратегии... Все считали, что статус-кво неизменен, и, по-

этому до 1989/90 года никто не прорабатывал перспективу: когда же это случится, через сто, пятьдесят или двадцать лет? Или, может через три года? Такой стратегии не было, и она не обсуждалась. И МИД никакой концепции нашего возможного поведения на такой случай не представлял. А с начала 1990-го года, когда воссоединение из призрака непредсказуемого будущего неожиданно превратилось в реальную проблему дня, тоже было не до концепции... Ничего не было выстроено в логическую цепь, чтобы можно было сказать: «Давайте двигаться шаг за шагом так и так». Все происходило спонтанно»²⁸.

Между тем, политическая и экономическая ситуация в ГДР продолжала обостряться. Ухудшилось положение СЕПГ, она подвергалась жесточайшей критике. 11-й Пленум ЦК СЕПГ принял решение о самороспуске ЦК СЕПГ. Пленум исключил из рядов партии Эриха Хонеккера и 11 бывших руководителей СЕПГ и ГДР. Эгон Кренц сложил с себя обязанности Генерального секретаря ЦК СЕПГ, а 6 декабря ушел в отставку с поста Председателя Государственного Совета и председателя Совета Оборона ГДР.

СЕПГ находилась в тяжелом кризисном положении. Оно выражалось не только в быстром сокращении ее численности — с октября 1989 по февраль 1990 г. ее ряды сократились с 2,3 млн до 700 тыс. человек — но и в организационном и идейном расколе. В ее рядах возникли различные течения коммунистической ориентации. Партия, по-существу, перестала быть единой в организационном и идейном отношении.

Декабрь стал переломным временем в общественных настроениях граждан ГДР. Если еще до середины декабря 1989 г. лидеры двух государств, ФРГ и ГДР, считали, что объединение может занять достаточно длительный период времени, то к концу этого месяца оценки изменились.

Главной причиной изменений настроений основной части восточногерманского общества, — по мнению И. Н. Кузьмина, — являлось прогрессирующее ухудшение обстановки в стране и утрата веры в возможность преодоления тяжелого положения собственными силами. Уже к концу ноября наряду с расширением состава участников массовых акций произошла их радикализация²⁹.

Западные страны — США, ФРГ — стремились усилить свое влияние на ГДР. Бонн связывал предоставление экономической помощи ГДР с политическими условиями: с проведением в ГДР политических и экономических реформ, соответствующих представлениям Западной Германии. Во время визита канцлера Г. Коля в ГДР 20 декабря 1989 г. ГДР была обещана помощь в размере 15 млрд немецких марок. Однако, фактически ничего предоставлено не было. За все время, которому еще было суждено просуществовать ГДР, из Бонна реально не поступило ни одного пфеннига, какие бы условия Модров ни выполнял³⁰.

Кульминацией визита Г. Коля стал митинг с его участием на площади в Дрездене, куда вечером приехали десятки тысяч жителей разных городов ГДР. Демонстранты скандировали: «Гельмут, Гельмут!», «Германия, Германия!» Над толпой развивалось море флагов ФРГ. Повсюду были видны

плакаты: «Мы — единый народ!», «Наше благо — только в единстве!», «Германия — единое Отечество!», «Объединение — единственный путь!» Появление канцлера на трибуне было встречено восторженной овацией. «Видимо, не будет ошибкой предположить, что именно под воздействием увиденного и пережитого, — пишет И. Н. Кузьмин, — канцлер пришел к убеждению, что обстановка требует быстрого воссоединения Германии»³¹. Именно в декабре в сознании преобладающей части восточных немцев произошел перелом, и они стали выступать за скорейшее присоединение своей страны к ФРГ, что нашло свое выражение в смене лозунга «Мы — народ!» на лозунг «Мы — единый народ!» От политики постепенности и поэтапности, что предусматривалось в «10 пунктах», Коль перешел к политике форсированного объединения Германии.

По различным каналам в Москву поступала информация о положении дел в ГДР. В частности, перед заместителем начальника внешней разведки КГБ Н. С. Леоновым, откомандированным в ГДР в декабре 1989 г., была поставлена задача: «Вынести заключение о перспективе сохранения ГДР как независимого государства, союзника СССР»³². По итогам проделанной работы М. С. Горбачеву была доложена телеграмма из Берлина за подписью Н. С. Леонова и руководителя представительства КГБ СССР генерала А. Г. Новикова, в которой они сделали вывод о том, что «никаких шансов на сохранение ГДР в качестве самостоятельного, суверенного государства — члена Варшавского пакта — нет, равно как и практически нет и шансов на сохранение в ГДР социалистического строя. Националистические страсти захватили полностью страну, политическое руководство, состоящее из новых людей, не может овладеть ситуацией»³³.

К началу января 1990 г. советскому руководству стало ясно, что сохранить ГДР в качестве суверенного государства в течение длительного периода времени едва ли удастся. Этого можно было добиться только в том случае, если Советский Союз имел бы поддержку своей политики в лице большинства граждан ГДР и партий, которые в идейно-политическом отношении были союзниками СССР и КПСС. Но именно влияние этих факторов к началу 1990 г. резко сократилось. СЕПГ–ПДС (Партия демократического социализма) во главе с Грегори Гизи имело лишь слабое влияние в обществе ГДР, и в силу этого не могла рассматриваться в качестве опоры СССР в ГДР. Советский Союз терял свое влияние в ГДР, а влияние ФРГ на нее стремительно возрастало. За возникновение такой ситуации ответственность в определенной степени несет и сам Горбачев. После смещения со всех постов Эриха Хонеккера он ни разу не посетил ГДР, и со стороны советского руководства было предпринято не так много усилий для того, чтобы стабилизировать обстановку в республике.

Учитывая сложившиеся обстоятельства, советское руководство пошло на радикальные изменения своей политики по германскому вопросу. Это произошло 26 января 1990 г. на совещании узкого круга лиц под руководством М. С. Горбачева, созванном в ЦК КПСС³⁴. Новый курс Горбачева теперь заключался в признании того, что проблема объединения Германии превратилась в непосредственную практическую задачу. На этом совещании в целом было решено,

какой линии поведения советскому руководству следует придерживаться в германском вопросе в дальнейшем.

Подобный поворот в позиции Горбачева привел в недоумение даже советских дипломатов, работавших в ГДР. И. Ф. Максимычев в своем дневнике записал: «Поворот в настроениях Михаила Сергеевича Горбачева был совершенно неожиданным, поскольку он до самого последнего времени не желал даже слышать о возможности какой-то общности двух германских государств... И вдруг — такой внезапный перелом»³⁵.

«В конечном итоге мы согласовали линию поведения на ближайшую перспективу, — пишет М. С. Горбачев. — По итогам совещания пришли к пяти главным выводам: воссоединение Германии; СССР следует предложить провести конференцию “6-ки”, то есть четырех держав-победительниц (СССР, США, Англия, Франция) и двух немецких государств; связи с руководством ГДР должны быть сохранены; политика в германском вопросе должна теснее координироваться с Парижем и Лондоном; маршалу Ахромееву поручалось основательно проработать вопрос о выводе войск из ГДР»³⁶.

Некоторые западные авторы отмечают, что на изменение позиции М. С. Горбачева по германскому вопросу могла оказать влияние следующая немаловажная причина. 8 января 1990 г. советский посол в ФРГ Ю. А. Квицинский передал от имени высшего советского руководства канцлеру Г. Колю настоятельную просьбу о срочном предоставлении Советскому Союзу продовольственной помощи в больших размерах. Уже через две недели из Бонна последовал положительный ответ. Правительство ФРГ согласилось в течение двух месяцев поставить в СССР 52 000 тонн консервов говяжьей тушенки, 50 000 тонн свинины, 20 000 тонн сливочного масла, 15 000 тонн молочного порошка, 5000 тонн сыра. Для обеспечения «дружественной цены» из федерального бюджета в качестве дотаций было выделено 220 млн немецких марок³⁷.

Вопросы, связанные с германской проблемой, в январе-феврале 1990 г. обсуждались с лидерами ГДР, ФРГ, США. 30 января в Москву прибыл Ханс Модров. «Во время официальной беседы я получил слово первым, — вспоминает он, — так, что советские политики не сочли необходимым раскрыть мне результаты своего совещания от 26 января»³⁸. Однако, несмотря на это, стороны пришли к одному и тому же выводу: сохранить ГДР как суверенное государство в течение длительного времени не представляется возможным. Модров не без горечи вынужден был на этой встрече констатировать: «Экономическая и социальная напряженность продолжает расти... ГДР подвергается массивному воздействию со стороны ФРГ... Идею существования двух немецких государств уже не поддерживает растущая часть населения ГДР. И, кажется, эту идею невозможно уже сохранить»³⁹. Горбачев, поддерживая морально своего собеседника, отметил: «...Товарищ Модров, не теряйтесь, держитесь последовательно... Сейчас и Коль, и другие усиленно раскачивают ситуацию, хотят полностью дискредитировать СЕПГ, правительство Модрова и создать таким образом более благоприятную среду для достижения своих политических целей. Мы, со своей стороны, прямо скажем Колю, что это не дальновидная политика»⁴⁰.

Для стабилизации положения в ГДР Модров просил оказать политическую и экономическую помощь. Модров задал прямой вопрос: «Хотел бы уточнить вопрос о нефти. Можно ли рассчитывать на помощь?»⁴¹ Присутствовавший на встрече председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков ответил на это отрицательно: «Это очень трудная проблема для нас. Добыча нефти упала на 17 млн тонн. Мы в трудном положении. Будем еще смотреть, есть ли малейшая возможность помочь. Но ситуация, повторяю, очень сложная»⁴².

На встрече с советским руководством Модров обсудил план объединения Германии «За Германию, единое Отечество», вскоре получивший название «План Модрова». Этот план представлял собой последнюю попытку взять под контроль ускорившееся движение ГДР в сторону присоединения к Западной Германии. Эта концепция предусматривала «объединение двух немецких государств только поэтапно в ходе многолетнего процесса»⁴³. Но этот план, к сожалению, просуществовал только десять дней, то есть до визита канцлера Г. Коля в Москву.

Огромное значение в эволюции советской внешней политики сыграли визиты в Москву 9 февраля государственного секретаря США Дж. Бейкера, и 10 февраля — федерального канцлера Г. Коля. Госсекретарь должен был продемонстрировать, что «ключи» к решению проблем, связанных с объединением Германии, находятся не в Москве, а в Вашингтоне. Действительно, с этого времени, после некоторых формальных дискуссий, Горбачев и Э. А. Шеварднадзе, как правило, соглашались с американскими предложениями. Бейкер убеждал Горбачева в необходимости создания переговорного механизма по формуле «два плюс четыре», а не «четыре плюс два», как хотел советский лидер. Разница между этими формулами существенна. В первом случае решающая роль в создании условий объединения Германии принадлежит двум немецким государствам, во втором — государствам-победителям во Второй мировой войне: СССР, США, Англии, Франции. В этом случае, существенно возросла бы роль СССР, а также Англии и Франции, которые по данному вопросу были близки к советской позиции. Горбачев и Шеварднадзе фактически поддержали американскую формулу, отказавшись от своей.

Бейкер ознакомил Горбачева с принципиальной позицией США по вопросу о военном статусе объединенной Германии. «Мы действительно не выступаем за то, — твердо заявил Бейкер, — чтобы Германия была нейтральной. Западные немцы тоже сказали нам, что они не считают такое решение удовлетворительным»⁴⁴. Госсекретарь утверждал, что «если Германия будет нейтральной, то она не обязательно будет не милитаристской. Наоборот, она вполне может принять решение о создании своего собственного ядерного потенциала вместо того, чтобы полагаться на американские ядерные силы сдерживания»⁴⁵. Бейкер также заверял Горбачева в том, что советским интересам больше соответствует объединенная Германия, включенная в НАТО с твердым обязательством, что «не произойдет распространения юрисдикции или военного присутствия НАТО ни на один дюйм в восточном направлении, “2+4” должны дать гарантии того, что объединение Германии не приведет к распространению военной организации НАТО на Восток»⁴⁶.

На следующий день после визита госсекретаря США в Москву прибыл канцлер Г. Коль. Нужно заметить, что к этому времени политические партии, политики ФРГ и в особенности сам Коль развернули активную деятельность не только в самой ФРГ, но и в ГДР за кратчайшие сроки их объединения. Поэтому канцлер должен был лично убедиться в официальной позиции Москвы по этой проблеме. Относительно главного вопроса — объединения Германии — он не услышал со стороны Горбачева никаких возражений. Он отметил, что «между Советским Союзом, ФРГ и ГДР нет разногласий по вопросу о единстве немецкой нации, и что немцы сами решают этот вопрос»⁴⁷. Коль от удивления переспросил: «Вы хотите сказать, что вопрос единства — это выбор самих немцев?»⁴⁸ «Да, — ответил Горбачев, — но в контексте реальностей»⁴⁹.

Какие обстоятельства могли повлиять на столь радикальные изменения позиции советского руководителя? Можно назвать несколько факторов. Во-первых, углубляющийся социально-экономический кризис, распад государственности ГДР; во-вторых, политика Г. Коля, направленная на скорейшее объединение Германии, находившая все большую поддержку населения ГДР; в-третьих, политика Вашингтона, которая по всем принципиальным вопросам поддерживала Коля. Вашингтон смотрел на объединение Германии через призму холодной войны как на свою победу над своим геополитическим противником — СССР: в-четвертых, снижение влияния СССР в решении крупных мировых проблем из-за нарастающего политического и экономического кризиса и политики уступок М. С. Горбачева.

Следует заметить, что результатами февральских переговоров превосходно воспользовался Г. Коль и его сторонники в целях массивированной предвыборной пропаганды. В заявлении, сделанном на пресс-конференции в Москве, Г. Коль заявил, что по вопросу об объединении Германии достигнут «прорыв»⁵⁰. После московских переговоров Г. Коль предстал как общенациональный политик, с которым немцы Запада и Востока связывали свои надежды на объединение Германии.

Результаты переговоров с Кодем перечеркнули результаты визита Х. Модрова. Его план «За Германию — единое отечество» потерял всякий смысл, и фактически был аннулирован, и больше к нему не возвращались.

Международные аспекты объединения Германии впервые стали обсуждаться в феврале 1990 г. на международной конференции в Оттаве, на которой была принята идея создания «шестерки». Переговоры от имени СССР было поручено вести министру иностранных дел Э. А. Шеварднадзе, который должен был отстаивать советский вариант «шестерки» — «четыре плюс два». В ходе переговоров он отошел от советской позиции по этому вопросу и поддержал американскую формулу «два плюс четыре».

По прибытии из Оттавы Шеварднадзе спросили: «...Как же так?» На что он ответил: «Геншер очень просил, а Геншер хороший человек»⁵¹.

Согласившись на формулу «два плюс четыре», СССР ослабил не только свои собственные позиции, но и косвенно позиции Парижа и Лондона. Взаимодействие трех столиц по этому вопросу заметно ослабло.

До февраля 1990 г. западные лидеры не исключали вариант, по крайней мере, неполного членства объединенной Германии в НАТО, в частности, вхождения ее в военную организацию НАТО⁵². В этой связи любопытным является мнение американского посла в СССР Дж. Мэтлока: «В начале 1990 года большинство западных дипломатов в Москве, в том числе и я, слабо надеялись, что Горбачев способен согласиться на постепенное растворение ГДР и участие единой Германии в НАТО и при этом уцелеть политически»⁵³.

После согласия Горбачева на объединение Германии и создания переговорного механизма по формуле «2+4» центральным вопросом для СССР стал военно-политический статус объединенной Германии. Позиция советского руководства, если ее персонифицировать с М. С. Горбачевым, существенно изменилась. В ней можно выделить два этапа: первый — с 25 января 1990 г., когда на совещании в ЦК КПСС определился новый курс СССР по германской проблеме, включающий в себя поддержку процесса объединения при одновременном недопущении ее вхождения в НАТО. Такая политика проводилась до встречи Горбачева с Дж. Бушем в Вашингтоне 31 мая — 1 июня 1990 г., вместе с которой начинается второй этап политики Горбачева по германскому вопросу. На этой встрече Горбачев отошел от прежней политики, поддержал политику Запада и придерживался этой политики до объединения Германии.

7 марта 1990 г. в газете «Правда» было опубликовано интервью М. С. Горбачева, целиком посвященное проблемам объединения Германии. На вопрос об отношении Советского Союза к какой-либо форме участия объединенной Германии в НАТО он дал твердый ответ: «На это мы не можем дать согласия. Это абсолютно исключено»⁵⁴.

Между тем, события, произошедшие в ГДР, не укрепляли позиции СССР, а, наоборот, очень сильно подрывали. 18 марта 1990 г. в ГДР прошли свободные выборы. Вся предвыборная кампания прошла при полном превосходстве западногерманских партий и тех партий в ГДР, которые их поддерживали. Политики из ФРГ буквально заполнили всю ГДР. Активное участие в кампании принял и канцлер Коль. Партии ФРГ и ГДР единым фронтом выступали за политический разгром СЕПГ–ПДС и за недопущение восстановления ее влияния. На деньги партий из ФРГ в ГДР организовывались митинги, выпускалось огромное количество агитационных листовок, плакатов, которые по качеству были значительно лучше, чем аналогичная продукция ПДС. По различным каналам на предвыборную борьбу в ГДР было израсходовано 20 млн западногерманских марок⁵⁵. Блок оппозиционных партий «Альянс за Германию» одержал внушительную победу. Восточные немцы таким образом проголосовали за объединение Германии и против социализма.

Приход к власти оппозиционных сил в ГДР сделал возможным заключение 18 мая 1990 г. первого германо-германского государственного договора о создании валютного, экономического и социального союза. В его преамбуле в качестве основы определялось введение в ГДР механизма рыночной экономики. Положения Конституции ГДР, противоречащие этому принципу, упразднились. В результате введения западногерманской марки с 1 июля на территории

обоих государств, Восточная Германия утрачивала значительную часть своего суверенитета. Таким образом, началось быстрое «растворение» ГДР в ФРГ.

К маю 1990 г. США, ФРГ, Англия окончательно согласовали свои позиции по вопросу об объединении Германии: оно должно произойти только на условиях Запада и с обязательным ее присутствием в НАТО. В США прекрасно понимали, что без Германии в НАТО могут начаться процессы дезинтеграции и даже распада. В беседе с М. С. Горбачевым, состоявшейся 10 апреля 1990 г., министр иностранных дел Великобритании Д. Хэрд вынужден был признать: «Если бы Германия вышла из НАТО, то от этого союза мало что осталось бы»⁵⁶. Лишь президент Франции Миттеран поддерживал Горбачева по некоторым аспектам этой проблемы. Он выступал за то, чтобы НАТО не выдвигало свои войска на территорию бывшей ГДР⁵⁷.

Перелом позиции Горбачева произошел во время его визита в США (31 мая — 3 июня). Германский вопрос был едва ли не центральным на переговорах с президентом Дж. Бушем. Нужно заметить, что американский президент с момента возникновения проблемы объединения Германии с самого начала занимал позицию об обязательном ее членстве в НАТО. И на этот раз Дж. Буш занял твердую позицию, заявив: «Мы выступаем за членство объединенной Германии в НАТО... НАТО — это якорь стабильности»⁵⁸.

Дж. Буш убеждал Горбачева в том, что будущая Германия сама должна решать, к какому союзу она должна принадлежать. А поскольку всем давно была известна позиция ФРГ по отношению к НАТО (она хотела быть членом этой организации), то, следовательно, объединенная Германия также должна была быть членом НАТО.

К большому удивлению обеих делегаций, Горбачев согласился с подходом американского президента. Принципиальная договоренность выглядела так:

«М. Горбачев: Значит так и сформулируем: “Соединенные Штаты и Советский Союз за то, чтобы объединенная Германия по достижении окончательного урегулирования, учитывающего итоги Второй мировой войны, сама решила, членом какого союза ей состоять”.

Дж. Буш: Я бы предложил несколько иную редакцию: “США однозначно выступают за членство объединенной Германии в НАТО, однако, если она сделает другой выбор, мы не будем его оспаривать, станем уважать”.

М. Горбачев: Согласен. Беру вашу формулировку»⁵⁹.

После столь важной уступки со стороны советского руководителя, канцлеру ФРГ Гельмуту Колю теперь нужно было окончательно урегулировать вопрос объединения с СССР. Однако и после «вашингтонской сделки» в переговорах с Колем еще можно было занять жесткую позицию. Уже упоминавшийся американский посол в СССР Дж. Мэтлок писал: «Для стабильности объединенного германского государства было жизненно важным, чтобы СССР согласился на условия и на вывод советских войск из восточных Lander. Для Германии и НАТО было жизненно важно, чтобы Советский Союз отказался от всех притязаний на основе права на германскую землю и признал право Германии свободно выбирать себе союзников. Горбачев мог бы надуть-

ся и отказаться участвовать в выработке таких документов. Поступи он так, и перед немцами встала бы дилемма: либо членство в НАТО, либо объединение, но никак ни то, ни другое вместе, — во всяком случае, ни то и другое сразу. Со временем же, вероятно, набрали бы силу требования общественности пойти на сделку, согласившись на нейтралитет»⁶⁰.

15 июля в Москву прибыл канцлер Г. Коля, а затем немецкая и советская делегации вылетели в Архыз (Северный Кавказ). На этих переговорах были достигнуты окончательные договоренности по германскому вопросу между ФРГ и СССР. Н. И. Рыжков позднее отмечал: «...если бы Горбачев занимал твердую позицию, то Колю пришлось бы согласиться на нейтралитет. А разве мы не могли сказать и американцам, что категорически против объединенной Германии в НАТО и иначе не будем ничего подписывать?»⁶¹

В ходе переговоров были удовлетворены все ожидания Г. Коля: объединенная Германия остается в НАТО, но на территории бывшей ГДР не размещаются ее войска, в том числе и ядерное оружие. Вместе с тем, американское ядерное оружие оставалось на территории Западной Германии. В этой связи заслуживает внимания заявление известного политического деятеля ФРГ Эгона Бара: «Откровенно говоря, я поражен согласием Горбачева на включение объединенной Германии в НАТО. Я был удивлен, что при этом не затронута судьба атомного оружия. Можно сказать, что Североатлантическим Союзом одержан величайший триумф»⁶².

Договор об окончательном урегулировании германского вопроса был подписан в Москве 12 сентября 1990 г. министрами иностранных дел шести государств. 3 октября этого же года вступил в силу второй государственный договор между ФРГ и ГДР, подписанный еще 31 августа в Берлине, в соответствии с которым ГДР приняла юридический и политический порядок ФРГ. В этот день ГДР прекратила свое существование как субъект международных отношений.

В процессе решения проблемы объединения Германии М. С. Горбачевым были допущены крупные просчеты. К их числу, прежде всего, следует отнести то, что он мог бы добиться значительного ослабления позиций НАТО в Европе. Однако советский лидер предоставленным шансом не воспользовался.

---

¹ *Максимычев И. Ф.* «Народ нам не простит...». Последние месяцы ГДР. Дневник советника посланника посольства СССР в Берлине. М., 2002. С. 89.

² Там же.

³ *Teltschik H.* 329 Tage. Innenansichten der Einigung. Berlin, 1991. S. 44.

⁴ *Филитов А. М.* Советская политика и объединение Германии (1989–1990 гг.) // Отечественная история. 2004. № 6. С. 48.

⁵ *Кузьмин И. Н.* Поражение. Крушение ГДР и объединение Германии. М., 2002. С. 132.

⁶ Выступление Г. Коля в бундестаге 28 ноября 1989 г. опубликовано в сборнике документов: Михаил Горбачев и германский вопрос. М., 2006. С. 254–263.

- ⁷ Плато А., фон. Объединение Германии — борьба за Европу. М., 2007. С. 109.
- ⁸ См.: Правда. 1989. 30 ноября.
- ⁹ Из беседы М. С. Горбачева с Дж. Андреотти 29 ноября 1989 года // Михаил Горбачев и германский вопрос: Сб. документов. С. 264.
- ¹⁰ Там же. С. 265.
- ¹¹ Из переговоров с Джорджем Бушем (в составе делегаций) 3 декабря 1989 года // Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачева с зарубежными деятелями и другими материалами. М., 2010. С. 246.
- ¹² Там же.
- ¹³ Из беседы М. С. Горбачева с Дж. Бушем 2 декабря 1989 года // Михаил Горбачев и германский вопрос: Сб. документов. С. 269.
- ¹⁴ Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата. М., 1992. С. 253–254.
- ¹⁵ Teltshik H. 329 Tage. Innenansichten der Einigung. S. 65.
- ¹⁶ Модров Х. Я хотел жить в новой Германии. М., 2000. С. 345.
- ¹⁷ Черняев А. С. Объединение Германии. Политические механизмы и политические стереотипы // Свободная мысль. 1997. № 8. С. 31.
- ¹⁸ Из беседы М. С. Горбачева с Г.-Д. Геншером 5 декабря 1989 года // Михаил Горбачев и германский вопрос: Сб. документов. С. 276, 279.
- ¹⁹ Там же. С. 282.
- ²⁰ Максимычев И. Ф. «Народ нам не простит...». С. 97.
- ²¹ Из беседы М. С. Горбачева с Ф. Миттераном 6 декабря 1989 года // Михаил Горбачев и германский вопрос: Сб. документов. С. 287.
- ²² Там же. С. 288–289.
- ²³ Цит. по: Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964–1994 / Пер с ит. М., 1996. С. 194.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1989 года // Правда. 1989. 10 декабря.
- ²⁶ Наринский М. М. С. Горбачев и объединение Германии // Новая и новейшая история. 2004. № 1. С. 15.
- ²⁷ Дашичев В. И. Единая Германия в единой Европе // Свободная мысль. 1999. № 7. С. 119.
- ²⁸ Рыжков Н. И. «Коль пошел бы на нейтралитет» (Москва и объединение Германии в 1989–1990 гг.) // Независимая газета. 2000. 23 марта.
- ²⁹ Кузьмин И. Н. Поражение. С. 162.
- ³⁰ Максимычев И. Ф. Крушение. Реквием по ГДР. М., 1993. С. 99.
- ³¹ Кузьмин И. Н. Поражение. С. 161.
- ³² Леонов Н. С. Лихолетье. Записки главного аналитика Лубянки. М., 2005. С. 404.
- ³³ Там же. С. 405.
- ³⁴ В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). Изд. 2-е. М., 2008. С. 579.
- ³⁵ Максимычев И. Ф. «Народ нам не простит...» С. 126.
- ³⁶ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Т. 2. М., 1995. С. 166.
- ³⁷ Teltshik H. 329 Tage. Innenansichten der Einigung. S. 100, 101; Der Spiegel. 1990. № 8. S. 18.
- ³⁸ Модров Х. Я хотел жить в новой Германии. С. 381.

- ³⁹ Из беседы М. С. Горбачева с Х. Модровым 30 января 1990 года // Михаил Горбачев и Германский вопрос: Сб. документов. С. 314–315.
- ⁴⁰ Там же. С. 319, 320.
- ⁴¹ Там же. С. 323.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ За Германию, единое Отечество (концепция к дискуссии о пути к германскому единству) // Михаил Горбачев и германский вопрос: Сб. документов. С. 325.
- ⁴⁴ Из беседы М. С. Горбачева с Дж. Бейкером 9 февраля 1990 года // Михаил Горбачев и германский вопрос: Сб. документов. С. 334.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Из беседы М. С. Горбачева с Г. Кодем один на один 10 февраля 1990 года // Михаил Горбачев и германский вопрос: Сб. документов. С. 348.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ См.: Правда. 1990. 11 февраля.
- ⁵¹ *Фалин В. М.* Без скидок на обстоятельства. М., 1999. С. 447.
- ⁵² *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Глазами маршала и дипломата. С. 259–260.
- ⁵³ *Мэтлок Дж.* Смерть империи. М., 2003. С. 317–318.
- ⁵⁴ Интервью М. С. Горбачева // Правда. 1990. 7 марта.
- ⁵⁵ *Павлов Н. В.* Объединение или рассказ о решении германского вопроса с комментариями и отступлениями. М., 1992. С. 105.
- ⁵⁶ Из беседы М. С. Горбачева с Д. Хэрдом 10 апреля 1990 года // Михаил Горбачев и германский вопрос: Сб. документов. С. 392.
- ⁵⁷ Из беседы М. С. Горбачева с Ф. Миттераном 25 мая 1990 года // Там же. С. 451, 461.
- ⁵⁸ Из второй беседы М. С. Горбачева с Дж. Бушем 31 мая 1990 года // Там же. С. 467, 470.
- ⁵⁹ Там же. С. 475.
- ⁶⁰ *Мэтлок Дж.* Смерть империи. С. 321–322.
- ⁶¹ *Рыжков Н. И.* «Коль пошел бы на нейтралитет» // Независимая газета. 2000. 23 марта.
- ⁶² Правда. 1990. 19 июля.